

Каждый жест предельно выразителен...
Фото М. Озерского.

сказать актер? Да, люди жили бессмысленно, плохо, тонули в тине миргородского прозябания, но все же это были люди, способные на скорбь, на привязанность, на ду-

шевную боль. Им нет оправдания, но жаль человека — вот что звучит в этом маленьком шедевре Ильинского. И как осязаемо удалось ему передать атмосферу этой буколической жизни с ее дремотностью, вязкий быт дома-раковины с его поющими дверьми и душными пуховиками лежанок, священнодействием застолья и степенными прогулками по запущенному саду.

Вот чеховская «Смерть чиновника». Анекдотичный случай: бедняк «обеспокоил» генерала, случайно чихнув ему в театр на лысину. Назойливые извинения виновного вызвали раздражение, он пришел домой и... умер от огорчения. Есть все основания осудить подобострастие чиновника, его рабскую приниженность, его угодливые «словесы» («обрызгал-с», «обеспокоил-с»). Ильинский решает задачу сложнее. Мнительность Червякова можно понять, как бы подсказывает слушателю актер, ведь раздавить червяка ничего не стоит. Не от тупости в десятый раз лезет он объясняться с генералом — ему трудно поверить, что его «поступок» сойдет безнаказанно. Так смерть чиновника перестает быть анекдотом и оборачивается житейской драмой замордованного, обезличенного человека.

Или Карл Иванович, скрипучий педант-учитель из «Детства» Толстого, оставшийся по прихоти раскапризничавшихся господ без крова, без средств к существованию. Подошла такая минута, когда замкнутый Карл Иванович вдруг открывает свое сердце, и обнаруживается, что оно у него щедрое, что он способен жертвовать жизнью ради близких и делать это просто, без позы, как

нечто само собой разумеющееся. «Комику» Ильинского дорог маленький человек Карл Иванович, хоть он и не прячет смешного, несуразного в нем.

А вот иная гамма красок: пушкинская «Сказка о золотом петушке». «Жил-был грозный царь... Дадо-о-о-он!» Ильинский делает паузу перед последним словом, а потом выкрикивает его нараспев, точно уличный зазывала. Так и кажется, что это любимец толпы — скоморох, взгромождая на грубо сколоченные подмостки, с хлестким юмором живописует нам и вздорного, жадного лежебоку Дадона, и обольстительно-хищную Шамаханскую царицу, и расслабленного, себе на уме, звездочета. А мы и не подозревали, что Пушкин воспользовался для своей сатирической сказки этой лубочной, петрушечьей интонацией. Но Ильинский ее расслышал и поделился с нами своим открытием.

Читает Ильинский и малоизвестную поэму А. К. Толстого «Сон Попова». Некий чиновник (к счастью, такое случилось с ним только во сне) явился на прием к министру... без панталон. Это сочли вольнодумством, Попова сгребли в каталажку и предложили выдать «сообщников» — тех, кто якобы вместе с ним замыслил государственную измену. Недолго совестился чиновник — своя шкура оказалась дороже: как из рога изобилия, посыпались из него имена ни в чем не повинных людей. Ильинский беспощадно вскрывает психологию вошедшего во вкус доносчика, попутно набрасывая выразительные портреты либеральничавшего позера-мини-

стра, по-кошачьи вкрадчивого жандармского полковника и, наконец, ханжи-читателя, возмущенного «нежизненностью» поэмы.

Ильинский почти аскетичен на эстраде. Он выходит на сцену тем Ильинским, которого все мы знаем, нашим современником. Но вот он привычным жестом снимает пенсне, прячет его в карман — и перед нами уже не известный актер, но образ, им творимый. Только перевоплощение в этом случае оказывается не абсолютным, а как бы пунктирным, слегка намеченным. Даже жесты Ильинского здесь красноречиво незаконченны. Вся нагрузка — на слово. Зато как оно полномерно, емко, значительно. Сонно мурлычет отъевшийся кот, нагло твякает расхрабравшаяся москв, бархатистые, валяжные нотки слышатся в голосе льва — любителя подхалимажа; чуждо звучит в передаче Карла Ивановича онемеченная русская речь, а в стихах Беранже четко проступает их песенная основа, даром что Ильинский не растягивает слов, не выпевает отдельных звуков, а говорит как реалистический актер.

Высокое и труднодостижимое искусство! — хочется воскликнуть, когда Игорь Ильинский выходит на эстрадные подмостки. Кажется, что для Ильинского на эстраде нет невозможного. Почти каждый год приносит нам радость встречи с его эстрадными премьерными.

Ильинский творчески молод, и жизнь художника, многообразно деятельная, его духовная энергия сами по себе принадлежат будущему.

З. ВЛАДИМИРОВА.